

АЛЕКСЕЙ
ЧЕРКАСОВ
ПОЛИНА
МОСКВИТИНА

Конь рыжий
Том 1

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АЛЕКСЕЙ
ЧЕРКАСОВ
ПОЛИНА
МОСКВИТИНА

Конь рыжий
Том 1

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Черкасов, Алексей Тимофеевич.

Ч-48 Конь рыжий. Том 1 / Алексей Черкасов, Полина Москвитина. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-201278-5

Историческая трилогия красноярского писателя Алексея Черкасова и Полины Москвитиной «Сказания о людях тайги» повествует о судьбах жителей Сибирского края.

Второй роман «Конь рыжий» повествует о судьбе казачьего хорунжего Ноя Лебеда, участника Гражданской войны в Красноярске и Енисейской губернии, а также о жизненных перипетиях героев первой части «Сказаний о людях тайги».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201278-5

© Черкасов А.Т., Москвитина П.Д., наследники, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Сыну Алексею посвящаем

*Из одного гнезда птенцы, да в разные
стороны птицами разлетаются.*

БЫТИЕ РЫЖИХ ЛЕБЕДЕЙ

I

Во времена оны, незапамятные, когда за Каменный пояс — Урал — перевалили отважные русские казаки вольницы Ермака Тимофеевича, закрепляясь на берегах Иртыша и Тобола, появились в Сибири первые казачьи поселения — станки, городища, а много позднее — станицы. Одной из таких станиц был Таштып у синих гор Саянских.

Проживал в Таштыпе казак Василий Васильевич Лебедь, из донских. Служил он верою и правдою царю и отечеству в Крыму, где сыскал себе красавицу-женушку из семьи бедного столяра, да и сам не из богатых был; выпало ему на долю быть первым в боях с японцами в Южной Корее, где его контузило от взрыва снаряда. И говорил потом рыжий казачина: кабы не командующий генерал, который не подбросил подмогу русскому гарнизону, то он, славный донской казак, вернулся бы в отчий курень не равным и драным, а непременно в «георгиях» и звонких медалях.

Тем временем в родной станице Качалинской на берегу Верхнего Дона братья Василия поделили имущество и землю, и битому вояке мало чего досталось.

Встретила его женушка, Анастасия Евстигнеевна, с тремя сынами: Василием, старшим, названным в честь деда, как шло из рода в род у Лебедей, головастым Ноем, нареченным именем прародителя рода людского, и малым пятилетним Иваном — вот и все богатство, да еще мазанка отца, старого Лебеда, с матушкой Марфой Никитичной, а на базу — один конь, тупорогий вол да еще пестрая буренушка.

Два брата служивого успели обжить собственные курени, отделившись от старого Лебеда, два других — женились на богатых казачках и ушли из дому. Еще до того, как вернулся служивый из чужедальной Маньчжурии, сыновья его успели побывать в Юзовке на шахте, да ничего не заработали — уголек-то горькой солью оmyвается, а не деньгами. Созвал престарелый рыжий Лебедь сынов своих на семейный совет и сказал так:

— Все вы для меня и матери, как вот пять пальцев на руке — не оторвать без боли и крови ни единый. Одначе, Григорий, и ты, Михаил, заобидели старшего брата, имя которого мое, как он первым родился, и по роду нашему — глава куреня. Али забыли то?

Рыжебородые братья — плечо к плечу, чуб в чуб, не забыли то, но в чем виноватит их батюшка?

— Гутарю я, вы слушайте! — призвал старик сынов, расправив надвое длинную огненную бороду. А на груди его вся выкладка из крестов полного георгиевского кавалера, ордена Болгарии за освобождение от ига турецкого, а через плечо по старому мундиру — георгиевская лента о трех черных и двух желтых полосах с бантом. — Наш род, сыны мои, сыспокон века славен воинством, не богатством. Нету такой войны, в которой не воевали бы Аленины-Лебедеи за землю

русскую. Вышел из нашего куреня Алениных, какая у нас была фамилия до того, как стали звать нас Лебе-
дями, Яремей сын Тимофеев, атаман знатный. Ска-
зывают, будто род Алениных почался от самых пер-
вых казаков, какие за сто годов до царствия Ивана
Великого пришли на Дон и тут жить стали.

Яремей, а как по прозвищу — Ермак, третьим был
сыном у Тимофея Аленина, самым отчаянным. Со-
звал батюшка сыновей в курене и повелел вынуть по
прутику из веника. У кого будет короткий прут, тому
уйти из куреня в Астраханское воеводство, которое
охраняло Дон от бусурман-турок и от татар крымских.
Вынул Яремей короткий прут, ушел в войско, уда-
лью и смелостью прославился, атаманом стал; награду
поимел от воеводства — шашку турецкую ковки дамас-
ской в золоте с прописью. Как было потом, никто не
ведает: ушел из войска Яремей Тимофеевич, на Волге
вольницу отчаянных людей собрал, на стругах летали,
боярские и царские вотчины щупали, за что и били их
не малым числом. Сам Иван Грозный повелел лютой
казню порешить всех, особо назвав атаманов: Ерма-
ка, Ивана Кольцо и Матвея Мещеряка из станицы
Качалинской, от которого род ведет наш станичный
атаман, Григорий Анисимович, неслыханно разбога-
тевший конным заводом на казенных землях.

Приметил Ермака башковитый Строганов — на
Урале заводы имел, соль варил, железо ковал и торг
вел с кучумской Сибирью. Сказал Строганов Ермаку:
ступай с вольницею за Камень — там земля сибир-
ская под бухарским Кучумом-ханом. Нету, говорит,
на той земле ни ладу, ни складу: кучумцы бусурман-
скому Магомету молятся, а дикари-сибирцы зверю
и лесу, ясак не платят, богатства ногами топчут. Без
той земли, говорит Строганов Ермаку, не жить Рос-

сии — простору не будет. Завоюй для царства Сибирь и — милости великой сподобишься.

И пошел Ермак с казаками и атаманами за Урал-Камень воевать того Кучума. Четыре года бились, потеснили войско орды, да не уберегся атаман: кучумцы подстерегли, напали на сонных, и утонул наш Ермак Тимофеев в Иртыше. В песнях навек прославился, а Сибирь прислонилась к царству Российскому.

II

— А теперь слушайте далее, сыны мои! Жили мы куренем у отца: пятеро братьев, как вот вы у меня, да еще четыре сестры. Хоть и немало повоевали Лебеди за землю русскую, а богатства не завоевали. Отчего? Что приплыло от воинских почестей, то и уплыло само собой, как Дон воду несет к богатым низовским станицам. А земли наши известны, и промысла нету!

Созвал нас батюшка на совет, и долго мы гутарили: как и чем жить? На богатых ли станичников горбиться али в шахты уйти, как внуки два года мытарилась и рваными вернулись? И тогда сказал отец мой, который опосля Крымской войны из Севастополя вернулся при наградах и четырех ранениях: «Корень наш от Ермака во земле Сибирской, и не след нам, Лебедам, забывать про ту землю».

Рыжие чубы повисли вниз...

— Как Ярмак со своими братьями, тянули мы прутки из веника. Дяди ваши — Кондратий и Леонтий, вынули короткие; еще до чугулки поехали со скарбом в Сибирь — мы отдали им все, што имели, как деньгами, так и добром. Знаете, живут теперь в станице Таштып и не жалуются, и стала им земля сибирская родней донской. Али не так?

Призадумались братья Лебеди.

Старый Лебедь поглядел на каждого из сынов, погладил раздвоенную бороду, будто пламя разметнул, уставился на малого Ноя; а этот малый, не обиженный Богом силушкой, на пятнадцатом году скидывал на плечо чувал с пшеницею в шесть пудов и не гнулся.

— Ноюшка, подь ко мне!

Братья Лебеди догадались: пошлет за веником...

Старого Лебеда опередил Василий:

— Не будем тянуть жребий, батюшка, — сказал он, выдержав суровый взгляд отца. — Братья своими куренями живут, и для них-то земли мало. К чему им трогаться? Ехать надо мне с семьею.

— Ай! — вскрикнула Анастасия.

— Видит Господь, от сердца говорю, старший сын мой, пусть будет так, — ответил старый Лебедь. — И не станет меж братьями злобы, а дружба восторжествует. А вы, сыны мои, остаетесь здесь, на славном Доне, окажите помощь старшему брату. Соберите деньги, кто сколько может, выделите что из скарба, скотины, имущества. У кого нету денег — займите. А я пропишу братьям в Таштып. — Глянул на седенькую жену Марфу Никитичну: — Вынь из мово сундука шашку Яремееву, Евангелие, какое носил с собой всю турскую кампанию с иконкой Богородицы, отца моево.

Старуха принесла из маленькой горенки шашку, завернутую в отбеленный холст, Евангелие с иконкой Богородицы и положила на стол перед хозяином куреня.

Старик вылез из застолья, развернул шашку, держа ее на вытянутых руках, подозвал Василия:

— Перекрестись, сын мой.

Василий перекрестился.

— Передаю тебе боевую шашку Яремея Аленина, яко Лебеда. Не потреби ее во зло.

Василий принял шашку, поблагодарил отца за доверие, поцеловав золотой эфес.

— Ежли призовут на войну сынов твоих, — наказывал старый Лебедь, — передашь Ною; к нему имею великое доверие; не запмятуй то.

— Не запмятую, батюшка, — ответил Василий.

Старик взял Евангелие с иконкой, подошел к Ною, положив руку на его плечо, сказал:

— Сие писание, Ноюшка, с ним я гнал турков из Болгарии и немало видывал смертей и баталий. Передаю тебе с иконкою, и ты помни то в Сибири! Блуди слово Господне — не забирай всеу других людей.

— Я и так никого не забираю, — ответил внук.

— Знаю то! Господи! Кабы не бедность наша, послал бы тебя в Войсковое училище, и стал бы ты славный офицер для державы. Ну да доброе сердце подскажет тебе линию жизни. Таперь идите, сыны, с Богом. За неделю собрать надо Василия. До Воронежа проводим. А тебе скажу, невестушка Анастасия, не точи слезы: в Сибири не одни каторжные и ссыльные проживают. Василий знает, какую неслыханную смелость и геройство показали они на японской.

III

Василий Лебедь с сыновьями и женошкой Анастасией Евстигнеевной отбили поясной поклон Дону и поехали на двух бричках лицом к восходу солнца — в Сибирь. На чугунке погрузились в товарный вагон вместе с двумя разномастными конями, коровою, нетелью, скарбом и немало времени тянулись эшелонном в просторные земли за Уралом. От Красноярска

плыли на пароходе до Минусинска по Енисею, а окрест лохматилась желтая осень. И тайга подступала к берегам, какую во снах не видывали. Потом на бричках дорога в Таштып. Ковыльные степи, серебрящиеся на солнце, где нагуливались отары овец и косяки лошадей, а деревня от деревни — семь верст киселя хлебать. На пашнях шатрами возвышались суслоны и скирды хлеба, стога сена по долинам. Дух захватывало от размашистого простора, невиданного на Дону.

Дяди — Кондратий и Леонтий Васильевичи — такие же рыжие, как и старый Лебедь, встретили племянника с семьею гуляньем на целую неделю; жили они справно в крестовых домах, а в надворьях — амбары с хлебом, скотные дворы.

Приписался Василий Лебедь к Енисейскому казачьему войску, сменил красные лампасы на желтые. За два года поставили пятистенный дом, благо лес был под рукою — кедровый, сосновый, — живи не тужи!..

Прибавлялась семья. Одна за другой появлялись на свет люди твоя, Господи, женского полу: Харитинья, Лизавета, Анна, Прасковья и на исходе бабьего века народилась Евлампия, которая, не прожив трех недель после крещения, была «заспана» матерью — о чем не очень-то сокрушался отец.

По семнадцатому году богатырской силушки сын Ной в горном Урянхайском крае, где казаки несли пограничную службу, подружился с отчаянным лопманом, гонявшим салики по бурным и опасным рекам двуглавого Енисея — Бий-Хему и Каа-Хему, и до того натерел в плаванье, что век бы не расставался с диким краем, где проживали сойоты в берестяных и войлочных чумах, а среди них русские поселенцы из староверов, некогда бежавшие от православной

церкви и самодержавия. Вольной волюшки набрался Ной по самую маковку. И действительную службу довелось ему отбыть в Урянхае, в казачьем гарнизоне Белоцарска.

Шли годы. Обжились Лебеди в Таштыпе. Замылся в памяти отчий курень старого Лебеда, умершего в Качалинской, и давно отошла с миром матушка Василия Васильевича, да и с братьями разминулся. Мужали сыновья, отбив действительную службу. Старший, Василий, женился на сибирской казачке — у батюшки Лебеда появились внучки. Жить бы миром и согласиём, да самодержец всея Руси, помазанник Божий, царь Николай Второй призвал казаков первой очереди в армию.

Было Василию двадцать шесть лет от роду, Ною — двадцать четыре.

И сказал рыжий батюшка Лебедь сынам: свое никому не отдавайте, чужого на погляд не берите и не вводите себя в искушение — грех будет. Служите верою и правдою царю и отечеству, как я служил, как отец мой служил.

— И если почнется война с проклятым кайзером Вильгельмом, не последними будьте в казачьем полку. Лебеди завсегда должны быть первыми, — напутствовал отец. — А еще скажу вам: держите шашки всегда острыми и поезжайте с Богом и родительским благословением.

Батюшка Лебедь торжественно передал шашку Яремея сыну Ною, как и заповедовал ему отец.

Братья Лебеди оседлали откормленных гнедых коней, поклонились в ноги отцу, Ной принял из рук матери дедушкино Евангелие и малую иконку Богородицы, а Василий простился с женушкой и двумя малолетними дочерьми. Ной облобызался с крестной,

бабушкой Татьяной Семеновной. Напутствуя крестника на ратные подвиги, она самолично проверила казачье снаряжение — седла, потники, подковы, подпруги, ремни шашек и даже темляки на эфесах. Поклонились рыжечубые отчему дому, надворью, а тогда уже сумрачным, лохматым Саянам, где немало охотились и добывали зверя.

Любовью и разлукой светился тот день в истоке, когда братья вывели из ограды коней под седлами и ускакали на сбор к станичной управе.

Батюшка Лебедь наказал домашним: три дня ворота не закрывать, а у самого захолонуло сердце: старший сын Василий — казак надежный, а вот головастый Ной чуток подпорченный, на полевых ученьях не шибко старался, водил дружбу с поселенцами и ссыльными; ох уж эта Сибирь каторжная! Как бы греха не вышло.

IV

И вот она — война с Германией!..

Хлеба шли в налив, нескошенные травы пенились под ветром, а в станице — мобилизация.

Сполоснулась станица слезами казачек, солдаток и малых детушек.

Кому-то война выкинет козырную карту — живым быть, кому-то с мелкими козырями — калекой остаться, а кому-то бескозырное — аминь отдать.

В доме Василия Васильевича Лебеда печаль гнездо свила, и никто не знал, каких она птенцов высидит: черных воронят или сизокрылых голубей?

Кому угадать судьбу свою?..

В мокропогодное сентябрьское утро переступил порог дома Лебедей станичный почтальон в дожде-

вике, с сумкой. И по тому как он виновато вошел в переднюю избу, сняв старый картуз, перекрестился на иконы, у батюшки Лебеда подмыло душу — не иначе как черный пакет принес.

Так и есть: два казенных конверта! Одно в траурной рамке — извещение о гибели. Василия или Ноя? Другое в конверте под пятью сургучными печатями.

Слышно было, как хлестал дождь за окнами и в палисаднике пошумливали отлинялая черемуха да тикали настенные ходики, а в голове у батюшки Лебеда вскипало горе: убит, убит! Один или оба?!

— Дай, Анастасия, ножик конверты вскрыть. — Супругу свою он всегда называл Анастасией, не мельчил имени.

Маленький листок бумаги, отпечатанный в типографии и заполненный писарской рукой черными чернилами: «Ваш сын, Василий Васильевич Лебедь, казак Первого Енисейского полка, в бою с неравными силами противника пал смертью храбрых...»

Анастасия истошно завопила. У батюшки Лебеда бумага выпала из рук. Невестка, вскрикнув, упала возле стола.

Свершилось! Высиделся в гнезде печальный черный ворон! Овдовела Натальюшка с двумя дочерьми, едва почав трудный бабий век.

А дождь хлещет, хлещет, черемуховые ветки шелестят по стеклам, и так-то тошно батюшке Лебедю! Вертит в пальцах пакет за сургучными печатями; черноголовый, вытянувшийся Иван смотрит на него.

— Наталия! Анастасия! Буде на первый раз, — призвал хозяин. — Ишшо долго реветь нам таперя. Второй пакет открывать али отложить до завтра? Может, сперва оплачем одного?

Подавив рыдания, вытираясь концами платков, Анастасия Евстигнеевна с невесткой подошли к столу, напряженно ждали. Батюшка Лебедь глянул на них, матюгнулся неизвестно в чей адрес, сорвал печати — большой лист гербовой бумаги с распростертым во всю ширину водянистым знаком державного орла с короною, а сверху жирный оттиск: «Ставка Командующего Северо-Западного фронта его высокого превосходительства генерала Я. Г. Жилинского».

У батюшки Лебеда мелко тряслись руки.

«Многоуважаемый младший урядник Енисейского казачьего войска, господин Василий Васильевич Лебедь». Многоуважаемый! У батюшки Лебеда прыгали перед глазами машинописные строчки. Глядя на лист, вдруг понял: бумага вовсе не о Василии! Про подвиги Ноя в Восточной Пруссии...

Четырежды награжден Георгиями!..

Переведя дух, достал кожаный кисет, свернул самокрутку, прикурил и глубоко затянулся крепчайшим самосадам.

«По личному соизволению его сиятельства, великого князя...»

Схватился руками за голову и, сотрясаясь мощным телом, разразился рыданием:

— Господи! Неслыханный подвиг свершил Ной! Как батюшка мой под Плевною и Шипкою! Славен наш Ной перед государем и отечеством! — Рывком отодвинул от себя стул — тарелка слетела, разбившись, но никто не слышал звона: домочадцы испуганно смотрели на батюшку, а он повернулся лицом к божнице, упал на колени:

— Да ниспошли мне, Господи, прозрения и твердости духа, каким ты осенил сына мово Ноя. В полные георгиевские кавалеры вышел!..

Из того же гнезда, откуда только что вылетел черный ворон, порхнул по дому сизокрылый голубь; печаль и радость в один и тот же час!

Справили Лебеди панихиду по убиенному сыну Василию, а тем временем прибыло уездное начальство чествовать георгиевского кавалера Ноя Васильевича Лебеда.

Отлили сентябрьские дожди, начались первые заморозки, и тут пришло скупое письмо от самого героя. Земные поклоны батюшке и матушке, брату Ивану, сестренкам, горькое соболезнование невестке и осиротевшим племянницам, твердости духа всей семье в годину тяжких испытаний, а в конце:

«Из бумаги штаба Ставки командования фронта вам все известно — о том писать не буду. Пеплом присыпало душу от того боя, в котором сгиб мой дорогой брат и наши солдаты; чрез неслыханный огонь прорвались мы с пулеметною командою, чтоб выскочить из ада. И нету мне утешения по сей день — черная печаль укутала душу...»

Минул год, и еще год; от Ноя приходили скупые письма. В хорунжие вышел, командовал сотней в том же Первом Енисейском полку, трижды пополненном, и вдруг — никаких вестей.

В марте 1917 года докатилось до Таштыпа: свалился царь с престола, и настала в России такая заваруха, что во всей станице ума не нашлось, чтоб рассудить: что к чему свершается?

Батюшку Лебеда избрали на станичном кругу атаманом, и он не посрамил себя. Призвал на службу всех бракованных и стариков тряхнул, чтоб отстоять свои исконные привилегии, если, не ровен час, власть временная обернется супротив казаков.

Но власть временная милостиво обошлась с казаками: как жили, так и жить будут. Да вот есть в России партия неких большевиков, от них, дескать, беды ждать надо. А посему стотавляйтесь.

В июле, до страды, казачья сотня атамана Лебеда погрузилась на баржу в Минусинске и в Красноярск приплыла на подмогу комиссариату Временного, чтоб в страхе держать смутьянов и этих самых большевиков.

По первоснежью ударило — не морозом, хуже! — большевики в Петрограде захватили власть. «Экое, Господи прости! — кряхтел атаман Лебедь. — Сохрани сына мово, Ноя, мать пресвятая Богородица!..»

Сколько раз батюшка Лебедь выстаивал долгие молитвы в Покровском соборе Красноярска, вскидывая глаза на святого Георгия Победоносца, поражающего копьём змия: «Святой Егорий, нету угрева мне, нету известия. Игде сын мой радостный, Ной? В живых ли он пребывает али большевики прикончили его? Игде он, сын мой?»

И не было ответа батюшке Лебедю.